

Александр Чумовицкий

Если из МНОГОГО
взять
ПОНЕМНОЖКУ...

Александр Чумовицкий

**Если из многого
взять понемножку...**

«Издательские решения»

Чумовицкий А.

Если из многого взять понемножку... / А. Чумовицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905732-7

Почему у Красной Шапочки такие большие зубы?..Да был ли пальчик?
Может, и пальчика-то не было?..Перестанут ли подавать Аннушке красный
мешочек?..Отчего люди не летают как птицы, сев на корточки и подхватив
себя под коленки?..Как сделать правильный лук?..Ответы на эти и многие
другие вопросы пытаются найти персонажи книжки.

ISBN 978-5-44-905732-7

© Чумовицкий А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Зимнее	10
Весеннее	11
Летнее	12
Осеннее	13
Отмороженный малютка	14
Вор он	16
Руна пятьдесят первая, тайная	18
«Когда Ульяновск был морем...»	21
Из альтернативной истории	22
«Чего тебе надобно, старче?»	23
Так, куда кривая выплывет...	24
Жалостная бушменская песня	26
Раз морозною зимой...	27
Не читайте детям	28
Считалочка	31
Завтрак при Гастингсе	32
Ничто не ново под луной	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Если из многого взять понемножку...

Александр Чумовицкий

Дизайнер обложки Лилия Чумовицкая

© Александр Чумовицкий, 2018

© Лилия Чумовицкая, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5732-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия чистосердечное признание

В мире есть много прекрасных сюжетов:
и у прозаиков, и у поэтов,
и у народных сказителей... – страсть
как же их хочется взять да украсть!

Если из многого взять понемножку
и не взаправду, а так, понарошку,
строчки смешать, то получится он —
не плагиат, а законный *центон*.

Или не строчки взять, а персонажей —
не насовсем даже, речь не о краже —
и отпустить их гулять в *интертекст*.
Сами вернутся, когда надоест.

Авторы и не заметят пропажу,
ну, а читатели весело скажут:
«Это не вор, это *постмодернист* —
хоть без таланта, но в помыслах чист».

Так, безусловно, не станешь поэтом,
но и никто не осудит за это.

И прозаиком таким способом тоже, само собой разумеется, не станешь.

Кстати, некоторые почему-то думают, что в прозе классический центон – то есть, такой, когда отсебятины не вставлено ни единого словечка, практически невозможен.

Но они заблуждаются. Если бы у нас сейчас была дискуссия, я бы доказал.

Берём, к примеру, один известный роман...

Теперь берём другой, не менее известный...

Вуаля! Лёгким движением курсора и клавиш из двух Степанов у нас получается один, несмотря на утверждение о том, что только все счастливые Степаны похожи друг на друга, а каждый несчастный Степан несчастен по-своему.

«...Всё смешалось в доме Облонских. На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете, на сафьянном диване.

Если бы Степе сказали бы так: «Степа! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!» – Степа ответил бы томным, чуть слышным голосом: «Расстреливайте, делайте со мною, что хотите, но я не встану».

Он повернул свое полное, выхоленное тело на пружинах дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой.

И тут он вспомнил вдруг, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете; улыбка исчезла с его лица, он сморщил лоб, чувствуя, что похмелье дарит его новым симптомом: ему

показалось, что пол возле кровати ушел куда-то и что сию минуту он головой вниз полетит к чертовой матери в преисподнюю.

«Ах, ах, ах! Ааа!..» – замычал он, вспоминая все, что было.

Тут ему так ударило в голову, что он закрыл глаза и застонал... Он хотел позвать домработницу Груню и потребовать у нее пирамидону, но все-таки сумел сообразить, что это глупости...».

Ну и, чтобы два раза туда не ходить, сразу – кульминационная сцена с катарсисом и очищающими душу слезами, как положено.

«Утихли истерические женские крики, взволнованные люди пробежали мимо, что-то восклицая. В расстроенный мозг вцепилось одно слово: «Аннишка».

Тут он затрясся от слез и начал вскрикивать:

– Горе-то, а? Ведь это что ж такое делается? ... одно колесо пудов десять весит... А? Верите – раз! Голова – прочь! Правая нога – хрусть, пополам! Левая – хрусть, пополам! – И, будучи, видимо, не в силах сдержать себя, стал содрогаться в рыданиях.

Алексей Александрович, увидав слезы Вронского, почувствовал прилив того душевного расстройства, которое производил в нем вид страданий других людей, и, отворачивая лицо, он, не дослушав его слов, поспешил пошел к двери.

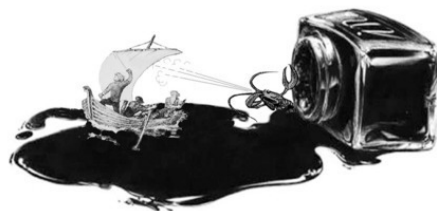
– Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!

Алексей Александрович подал ему руку, не удерживая слез, которые лились из его глаз».

Тот, кто, прочитав это, не счел себя оскорбленным в лучших чувствах, не закричал, швыряя эту книжку: «В печку её!», – может без опаски читать её и дальше. Даю честное слово, что там далеко не всё так цинично.

Да и настоящих, по всем правилам, центонов там совсем немного, прямо скажем. Ведь правила гораздо интереснее нарушать, чем соблюдать.

Строчки в рифму

Зимнее

**Февраль. Чернила. Слёзы. Слякоть...
И повторится всё, как встарь:
поэт в России должен плакать,
взглянув с утра на календарь.**

Мело, мело, несло пургу
во все пределы.
Сидела птичка на лугу,
в снегу сидела.
И всё терялось в снежной мгле.
И снова, снова
к несчастной птице по земле
ползла корова.
Неотвратимая, как рок,
корова кралась.
Взлететь из-за скрещенья ног
не удавалось.
Босые пальцы на снегу
свело тревогой:
сейчас ухватит за ногу!
Или за нОгу?
Не бойся, птица, всё пройдёт,
тужить нам рано.
До свадьбы рана заживет,
любая рана.

Весеннее Баллада о внутреннем сурке Финдлее

С моим сурком вчерашний день
мы вышли со двора.
Сказал сурок, увидев тень:
«Весна пришла. Ура!»

– Еще февраль, не вышел срок!
«Ты врешь!» – сказал сурок.
– Ступай домой и выспишь впрок!
«Не ной!» – сказал сурок.

«Журчат ручьи, кричат скворцы...», —
твердил он, как урок.
«Грачи летят во все концы!», —
присочинил сурок.

Напомнил об апрельском пне...
И я сказал: – Ах, так?
За это не сурок ты мне —
мармот ты и байбак!

А, ну-ка, быстро марш в кровать,
поговорим весной!
И сам отправился поспать,
а мой сурок со мной.

Летнее (Слова – так себе, зато музыка очень хорошая – Оскара Фельцмана)

Вышла Татьяна на берег Дуная,
бросила мячик в волну
и заревела. Зачем? Я не знаю:
мячик же не утонул!

Мячик в реке увидела собака
со своего бережка.
Вслед ей суровый Герасим не плакал,
разве что всхлипнул слегка.

Дальше видна нам такая картина:
вечером, в дождь и грозу
плюхнулась с берега к ним Катерина,
наспех смахнувши слезу.

Мячик, Муму и Кабанова Катя
плыли недолго втроём,
спьяну рыдая, подбросил им: «Нате!», —
Стенька княжну в водоём.

Плачет Полоний: «Куда же ты, дочка?»
Тише, Полоний, не плачь!
Крепко вцепилась Офелия в бочку —
бочка надежней, чем мяч.

Славный корабль омулёвая бочка!
В бочке – царевич Гвидон.
Здесь ради рифмы поставим мы точку,
Хоть не последним был он.

.....
.....
.....
.....

Столько их бестолку падало в реки,
столько бежало к прудам...
Так что тебе я, Татьяна, вовеки
мячика в руки не дам!

Осеннее

Летят перелетные птицы
в осенней дали голубой,
там девушка, песнь распевая,
сидит на вершине крутой:

«Не знаю, что стало со мною,
печалью душа смущена —
не нужно мне солнце чужое,
чужая земля не нужна.

Далеко-далеко, за морем,
стоит золотая стена,
а я остаюсь с тобою,
родная моя сторона.

В стене той заветная дверца,
за дверцей большая страна.
Не нужен мне берег турецкий
и Африка мне не нужна!»

И кос ее золото вьется,
и чешет их гребнем она.
Вставай, вставай, кудрявая,
На встречу дня!

Отмороженный малютка

«...или, например, у Н. Некрасова: «Мальш уж отморозил пальцы, ему и больно и смешно...» (из рецензии на сайте proza.ru)

**Вечер был, сверкали звёзды.
На дворе трещал мороз...
По двору, хоть было поздно,
мальчик в санках Жучку вёз.
Вышел из лесу Некрасов,
посинел и весь дрожал.
Он назвал малютку Власом
и к себе в стишок забрал.
Плачет дома мать-старушка
и грозит ему в окно:
«Вот ужо приедет Пушкин —
нас рассудит, всё одно!»**

Вечер был, и не на шутку
на дворе трещал мороз.
Шёл по улице малютка
и тащил с дровами воз.

«Ну, а где ж твоя савраска,
почему одна вожжа?»
«Умерла!» – сказал он басом,
посинел и задрожал.

Плакал он, как вырубали
лес, а следом и отца
зарубил жестокий барин,
бросил в дровни мертвеца.

Вдоль дороги стынут ёлки,
Наш сиротка весь продрог,
утащили тятю волки
прямо с похоронных дрог.

Много вынес этот мальчик,
мёрз и мок, плутал в лесу,
даже заморозил пальчик.
ковыряя им в носу.

Сёк его десятник жадный,
голод-царь его морил,
но широкий и громадный
путь малютка проторил.

Милый плут! Малютка этот
уморительно был мал...
Под уздцы рванул поэта
и быстрее зашагал.

Так сказал поэту мальчик:
«Вместе нам судьба теперь.
Как помянет кто мой пальчик —
сразу вспомнит о тебе!»

Вор он **Очень вольное переложение Эдгара По** **на музыку Алексея Иващенко** **и Георгия Васильева (дуэт ИВАСИ)**

Как-то в полночь, в час угрюмый
полон был я страстной думы:
«Приходи ко мне, Глафира,
ненароком, невзначай.
Мы с тобой за самоваром
не потратим время даром,
самовар исходит паром,
будем пить горячий чай.
Приноси кусочек сыра —
в доме нету, выручай!
Ведь без сыра – что за чай!»

Ясно помню ожиданье,
самовара раздуванье,
в самоваре – очертанья
тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета,
как я тщетно ждал ответа
на страданье без привета,
на вопрос о ней, о ней —
о Глафире, что блистала
ярче всех земных огней.
И о сыре, что при ней.

Я хочу напиться чаю,
к самовару подбегаю:
«Приходи скорей, Глафира,
малость рядышком побудь», —
ожидая этой встречи,
повторял я целый вечер.
И когда собрался в чашку
кипятка себе плеснуть,
стук внезапный в двери дома
мне почудился чуть-чуть —
Вот и к чаю что-нибудь!

Но едва лишь дверь открыл я,
вдруг, расправив гордо крылья,
перья черные взъероша
и выпячивая грудь,

вовсе даже не Глафира,
а ворона, хоть и с сыром,
в дом влетела и присела
на минутку отдохнуть.
Позабыв мне даже клювом
в знак приветствия кивнуть.
Или сыра дать куснуть.

Взгромоздясь на бюст Паллады,
что стоял у двери рядом,
этим сыром собралась она
уж было закусить —
то ли поздно пообедать,
то ль позавтракать так рано.
И тогда на всякий случай
я решил ее спросить:
«Уж не ты ль – моя Глафира,
без которой мне не жить,
чаю с сыром не попить?»

Но во всё воронье горло
каркнула ворона гордо
мне в ответ одно лишь слово,
только слово: «Невермор!».
Сыр из клюва тут же выпал,
я схватил его – и выпил
чашку чаю с этим сыром.
Каркнула ворона: «Вор!» —
и с тех пор такого сыра
не встречал я невермор...
Очень вкусный был рокфор!

Руна пятьдесят первая, тайная

**Руну эту мне Лонгфелло
пел в тавернах Калевалы,
Гайавата наливал нам,
сам весёлый и хмельной.
Пили горькую из кружки,
за здоровье той старушки
Лоухи и этих лохов,
что рыдали над волной...**

Над седой равниной моря
ветер тучи собирает
и кораблик подгоняет
на надутых парусах —
это парни из Суоми
у соседей спёрли Сампо —
ту, что сделал Ильмаринен
из пушинки лебединой,
из кусочка веретенца
и из молока коровы
и из ячменя крупинки... —
там еще есть компоненты,
но перечислять их долго,
надо плыть домой скорей.

Между тучами и морем,
реет Лоухи-колдунья,
редкозубая старуха,
к бедрам крылья прикрепив.
Им летит она вдогонку,
то бедром волны касаясь,
то стрелой взмывая к тучам, —
не освоилась ещё.

Настигает бабка финнов,
Сампо с палубы хватает
и за борт её бросает —
ту, что сделал Ильмаринен
из пушинки лебединой,
из кусочка веретенца
и из молока коровы... —
в набежавшую волну.

Сам могучий Ильмаринен
испугался и заплакал:
«Вот утонет, что я создал
из пушинки лебединой,

из кусочка веретенца —
и так далее по списку,
и тогда у Калевалы
будет очень много бед».
Вяйнямёйнен тоже плачет:
«Утонула в море Сампо —
та, что сделал Ильмаринен
из пушинки лебединой...
В общем, страшный нам урон».

Тут отважный Лемминкяйнен
говорит слова сквозь слёзы:
«Знаю я, друзья, героя,
что поможет нам в беде —
изведёт старуху злую
и со дна достанет Сампо —
ту, что сделал Ильмаринен... —
дальше знаете вы сами.
Про него мне рассказали
руны в очень странной книжке.
Он живёт неподалёку —
там, где наши рыболовы,
словно пасынки природы,
раньше невод свой бросали,
где чернели наши избы,
как приют убого...“ — „Хватит! —
тут промолвил Ильмаринен. —
Лемминкяйнен, ты увлёкся!
Ближе к делу говори!»

«Буду краток, извините, —
согласился Лемминкяйнен,
просморкался, слёзы вытер
и по делу так сказал:
– Есть у этого героя
из старинной русской сказки,
как у бога-громовержца,
удивительный топор —
этим колуном он даже
прорубил окно в Европу,
а потом старух немало
злых и жадных погубил.
Порешит и нашу Лоухи,
а топор закинет в море —
тот топор умеет плавать,
значит, и нырнуть сумеет,
чтобы Сампо отыскать,
ту, что сделал Ильмаринен...»
«Знаем, знаем! – закричали

остальные персонажи. —
Все мы тоже пели руну
про чугуевский топор!»

Перестали финны плакать,
а над ними в туче Лоухи,
веселится и хохочет,
будто кто её щекочет,
что-то сверху им кричит.
В этом крике финны слышат:
«Как же я от вас устала
чёрной молнией метаться
взад-вперёд, туда-сюда!

Прежде чем к специалисту
плыть, мозгами-то раскиньте!
Сампо сделал Ильмаринен
из пушинки лебединой,
из кусочка веретенца,
и из молока коровы,
и из ячменя крупинки...
Верно? Но такое Сампо
не утонет никогда!»

«Когда Ульяновск был морем...»

«*Liopleurodon rossicus* охотится в прибрежных заводях теплых морей Юрского периода, некогда покрывавших территорию современной Ульяновской области»
(с сайта pterosaurus.paleoimperia.ru)

В воскресный день моя сестра
сидела у костра.
Была моя сестра хитра —
поймала осетра.

И нет моей сестры умней —
не съела осетра:
– Мы поплывем на нём в музей! —
сказала мне сестра.

– В большой, красивый красный дом,
похожий на дворец.
Живет там Лиоплевродон,
он вождь нам и отец!

Из зала в зал переходя,
там плавают планктон,
глаза таращит на вождя:
какой великий он!

Он был рептилией – такой
простой, как мы с тобой,
но с ним воспрянул род морской
в последний смертный бой.

Он с детских лет мечтал о том,
чтобы на всей Земле
кто был нектон, тот стал планктон,
прекрасный, как желе.

И все, кто слушали его,
те шли за ним вперед,
вплоть до ракообразного,
что полз наоборот.

Далась победа нелегко,
и вот мечта сбылась!
До кайнозоя далеко,
но кончился триас.

Из альтернативной истории (Или, может быть, это про игровые будни реконструкторов)

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году.
Бежит матрос, бежит солдат,
Вздыхают на ходу.

Рабочий тащит пулемёт,
Сейчас он упадёт —
Его любой из нас поймёт,
Кто бегал в гололёд.

Скользят отряды и полки,
Не удержав плакат,
Сидят на льду большевики,
И губы шепчут в лад...

Вот так мечта и не сбылась
Рабочих и крестьян.
Поскольку соль не сыпалась,
Был дворник в стельку пьян.

«Чего тебе надобно, старче?»

– Подойди на секундочку, рыбка!
– И чего тебе надобно, старче?
– Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою.

Уж не хочет она быть крестьянкой,
столбовою дворянкой, царицей...
– Ну, купите тогда, дедуля,
для забавы костюм медсестрицы.

Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Есть заказ, государыня рыбка...»

Помнишь, ты присылала студента
Из строительного отряда?
По корыту к нему нет претензий,
Даже стружку потом прибрал он.

И избу срубил он на совесть,
Сразу видно, что этот парень
Топором владеет отменно.
Да, спасибо, и терем крепкий.

И по царским палатам тоже
У заказчика нет замечаний...
Но неделя-другая проходит,
Пуще прежнего старуха взбесилась...

Не даёт старику мне покоя...
Что мне делать с проклятою бабой?
Может, снова пришлѐшь к старухе
Ты какого-нибудь студента?»

Ничего не сказала рыбка,
Лишь кивнула: заказ, мол, принят.
Воротился старик с моря,
А вопрос уж решѐн радикально.

«Даже слишком...», – старик подумал.
– Но зато я теперь свободен».

Так, куда кривая выплывет...

Ехал Грека через реку
сразу после похорон,
вслед с горы свистели раки:
«Не суй руку в Ахерон!»

Ехал Грека через реку.
«Рак?» – спросил его Харон.
«Рак», – ответил грустно Грека,
сунув руку в Ахерон.

Ехал Грека через реку,
говорит из речки рак:
– Надо, надо тебе, Грека,
руку мыть перед тем, как!

Ехал Грека через реку,
вместе с Грекой ехал рак:
– Ох, и ядовит ты, Грека!
– Отцепись уже, дурак!

Ехал Грека через реку,
сам веселый и хмельной,
сунул Грека руку в реку
и качает головой:

– Надо, надо умываться
по утрам и вечерам...
Здесь, не трудно догадаться:
рак за руку Греку – ам!

Всё в нем страшно онемело,
опустились руки вниз,
и в распухнувшее тело
раки черные впились.

Раки грудь его кусают,
тянут за руки ко дну,
и за борт его бросают
в набежавшую волну.

Светит месяц, светит ясный,
невод на песке лежит.
Безобразно труп ужасный
посинел и весь дрожит.

Прибежали в избу дети,
Тянут, тянут мертвеца:
– Тятя, вам подарок в сети
от донского молодца!

Мчатся тучи, вьются тучи,
мутно небо, ночь нежна.
Пригляделись дети лучше:
– Тятя, это не княжна!

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит
и потопленному телу:
– Как фамилия? – кричит.

– Это кто приплыл без спроса?
Кто велел пугать улов?
После каждого вопроса
добавляет крепких слов.

Молвит тот, сверкнув очами
И кусая длинный ус:
– Я не Грека, я – Чапаев!
А тебя я не боюсь!

Поступлю с собой я просто,
Пожалев твоих ребят...
Взял он саблю, взял он востру
И зарезал сам себя.

Есть в народе слух ужасный:
говорят, что каждый год
с той поры мужик несчастный
в ночь урочную поёт.

Ночь тиха, в небесном поле
бродит Вesper золотой,
льется песня на просторе:
«Чёрный ворон, я не твой!»

Жалостная бушменская песня

– Черный ворон, что ты вьешься,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься...
Ворон крикнул: «Надо мной».

– Что ты когти распускаешь
Над моею головой?
Иль добычу себе чаешь...
Ворон крикнул: «Головой».

– Ты лети к моей любимой,
И скажи, что нет другой.
Ты лети сегодня мимо...
Ворон крикнул: «Нет другой».

– Чёрный ворон, брось глумиться,
Я и так уже в бреду...
«Не могу! – сказала птица, —
Я же чёрный какаду!»

Раз морозною зимой...

«Мужчина отбил жену у медведя» (из газет)

Раз морозною зимой
по тропинке лесной
шёл медведь к себе домой —
не один, а с женой.

Шли они своей дорогой
из деревни в берлогу,
а навстречу им мужик —
грозен, хоть и невелик.

Отдавай, кричит, жену,
достает револьвер.
А не то как пальну!
Хенде хох! Руки вверх!

Тут медведь с испугу вмиг
на сосну большую влез,
и теперь с женой мужик,
а медведь – вовсе без.

С той поры зимой медведь
без жены в берлоге спит.
И доволен он ведь,
что никто не храпит!

Не читайте детям Да, задумывалось для них, но что- то с самого начала пошло не так...

Старый Мазай запирался в сарайчике.
Чем занимался – не знает никто.
Бабы судачат: «Да были ли зайчики,
может, и не было зайчиков-то..»

Если в речке Лимпопо
воду взять во фляжке
и, размазав каплю по
маленькой стекляшке,
положить под микроскоп...
Гляньте, убедитесь чтоб:
там живёт *нанопотам*,
рыжий и румяный.
Я его придумал сам,
не отдам в «Роснано»!

Уронили мишку Тедди
гималайские медведи,
повалили прямо на пол,
панды оторвали лапу.
Вместо лапы на дорогу
дали липовую ногу.
Даже добрый Винни-Пух
выдал пару оплеух.
(Прибегал и барибал,
приводил ошкуя,
но таких я в стих не брал —
я их не рифмую!).

Прочитав, запомни, кроха:
Бить игрушку – очень плохо!
Потому что Тедди, дети,
за хозяев не в ответе!

На горе Арарат
растет крупный виноград.
На горе Пиренеи —
еще крупнее.
На горе Эльбрус —
слаще на вкус.
На горе Сион
дорогой он.
На Килиманджаро —
почти даром.
На горе Аю-Даг
раздают так.
На горе Эверест
никто его не ест.
А на горе Тибет
винограда нет!

Ни за что на свете
Не ходите, дети,
По горам в Тибете
С йетями гулять!

Станут вас там яки,
Монахи-забияки
И другие всякие
Бить и унижать.

Не помогут мамы.
Будете упрямы —
вас заставят ламы
Мантры повторять.

Не балуй! – прикажут.
За уши накажут —
Шамбалу покажут—
Век бы не видать!

Дети, не ходите!
Слушайтесь родителей!
Там вы угодите
в страшную беду.

Этому рассказу
поверите вы сразу,
подцепив заразу

прямо в Катманду.

Десять покемонов
Пошли купаться в море.
Десять покемонов
Резвились на просторе.
Чтобы их поймать,
Толпа детей нырнула.
Одна не плачет мать —
Ей дочь волна вернула.

Эй, покемоны! Вас – миллионы!
Объединяйтесь, вместе вы – сила.
Страшен толпой человек со смартфоном
А в одиночку он – лох и терпила!
Пятеро – спереди, пятеро – сзади,
Чтоб не ушел проходными дворами.
«Слышь, а с какого раёна ты, дядя?
Это же ты в нас швырялся шарами?»
Так отжимайте девайс за девайсом
(Гаджеты тоже в карманах у многих).
Эй, покемон! Вооружайся!
Сам превращайся в ловца двуногих.

Считалочка

Десять снегуритят взялись сугробы делать.
Сугробов вышло много, но их осталось девять.

Девять снегуритят вернуть решили осень,
Один пошел ее искать, а ждать остались восемь.

Восемь снегуритят прождали целый день.
Один со скуки помер, и их осталось семь.

Тогда семь снегуритят на ужин стали есть
Холодные сосульки, и их осталось шесть.

Потом шесть снегуритят устроились поспать.
Один улегся с краю, хватились утром – пять.

С утра пять снегуритят, убрав в своей квартире,
Открыли мусоропровод – и стало их четыре.

Четыре снегуритенка помчались горку строить.
Крутая вышла слишком – в живых осталось трое.

Трое снегуритят пошли в лес по дрова,
Был на троих один топор – вернулись только два.

Двое снегуритят слепили вместе бабу.
Остался с ней тот, что сильнее. А зачем ей слабый?

И вот вам результат – вновь десять снегуритят...

Завтрак при Гастингсе

В день, когда Вильгельм Нормандский
флот привёл свой в графство Суссекс,
он у Гастингса не сразу
англосаксов бить пошёл,
а сначала без дискуссий
он сказал такую фразу:
«Хлеб ячменный мне невкусен,
мне с него нехорошо!»
Про величие момента
и про славу мировую
так сказал нормандский герцог,
почесав рукою бок:
– По амбарам пометите,
поскребите по Суссексу
и сейчас же испеките
мне пшеничный колобок!
– Никто, никто на свете, —
сказал завоеватель
солдатам на корвете
и свите на фрегате:
– Не возразит мне, если я
наделаю здесь бед,
когда вдруг даст мне Англия
ячменный чёрствый брэд!

Строчки без рифмы

Ничто не ново под луной

...Луна в вечернем чистом небе висела полная, видная сквозь ветви клена.

Липы и акации разрисовали землю в саду сложным узором пятен. Трехстворчатое окно в фонаре, открытое, но задернутое шторой, светилось бешеным электрическим светом. В спальне Маргариты Николаевны горели все огни и освещали полный беспорядок в комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.